

Ю. М. Эскин

«Видение» епископа Петра Парчевского

Игумен могилевского Буйницкого Свято-Духова монастыря Феодосий нередко приезжал в Россию за финансовой помощью. Этот монастырь был основан в 1633 г. богатым и влиятельным местным шляхтичем Богданом Статкевичем (Стеткевичем) по завещанию его тестя кн. Б. Б. Соломерецкого. Другим основателем обители стал известный защитник православия игумен Иоиль (Труцевич), устроивший в Белоруссии для противодействия наступлению униатов несколько православных монастырей и знаменитую типографию в Богоявленском Кутеинском монастыре. Формально Иоиль являлся настоятелем нескольких основанных им монастырей, но фактически его замещали местные игумены, в том числе Феодосий.

1 января 1653 г. Феодосий прибыл в пограничную русскую Вязьму, где в приказной избе его давно знали¹. Вместо того, чтобы как обычно попросить проезжую грамоту до Москвы, он потребовал у расспрашивавшего его воеводы кн. И. Хованского перо и бумагу для сообщения важных вестей. Прочтя документ, воевода послал его с нарочным в Москву. Там в Посольском приказе записку переписали, немного отредактировав, и, вероятнее всего, отправили «наверх», государю. Большинство сведений, изложенных в записке Феодосия, носило традиционный политический характер. «Вести» были «товаром», ценившимся в Москве, и его охотно поставляли духовные лица, приезжавшие в столицу «за милостыней». В описываемое время такие донесения приобрели особо важное значение,

¹ Незадолго до этого он приезжал просить для монастыря «книг и колоколов» (Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 94).

поскольку Речь Посполитую уже несколько лет сотрясало восстание Богдана Хмельницкого. Две страны стояли на пороге большой войны, в результате которой Россия рассчитывала присоединить Великое княжество Литовское.

Собственноручная записка буйницкого игумена сохранилась. Феодосий сообщил в ней несколько интересных новостей. Он отметил, что в Кракове бушует эпидемия «морового поветрия». Часть жителей покинула город, но в их отсутствие произошли пожары. Кроме того, начались сильные дожди, вызвавшие большое наводнение, и «по сем град Краков огнем страшным четыре недели горел, не было кому угашать, граждане измроша, и от воды истопляени». Явно агитационный характер имел рассказ Феодосия о буре в Смоленске: «двери затворенные в башни сами о себе отверзошася, стражи от страха разбегашася». Проинформировал игумен и о поражении гетмана М. Калиновского (видимо, под Батогом в мае 1652 г.). Сообщил он и о роспуске гетманом Я. Радзивиллом войск на зиму и об измене королю «подканцлера» Радзеевского, якобы сносившегося с Хмельницким и собиравшего войско из немцев и шведов (что было явным преувеличением)². Приведенные сведения имели целью показать, что дела в Речи Посполитой исключительно плохи, и Москве самое время встать на защиту православия.

В своей записке игумен стремился описывать прежде всего то, что могло понравиться его благодетелям из Посольского приказа. Красочно переданные им бедствия в Кракове («город королевской, в нем же короли коронываны бывают, и по смерти погребаются») — моровая язва (эпидемия черной оспы) и наводнение, по мнению современных исследователей, действительно имели место. «Wielka zaraza» и «czarna smierc» бушевали в Кракове в 1652 г., погибло 33–35 тыс. жителей, от бедняков до знати и профессоров Ягеллонского университета. Стихоть «зараза» стала осенью того же года³. Случилось и наводнение. В районе Кракова Висла часто выходила из берегов, но летом 1652 г. она затопила чуть ли не весь обессленный «черной смертью» город. Апогей наводнения выпал

² Wasilewski T. Ostatni Waza na polskim tronie. Katowice, 1984. S. 117–123.

³ Bieniarzówna J. Lata klęsk i niedoli // Szkice z dziejów Krakowa: od czasów najdawniejszych do pierwszej wojny światowej. Kraków, 1968. S. 213, 214.

на 22–24 июня, в воде гибли люди, стремившиеся спастись от чумы за пределами городских стен⁴. К январю 1653 г. оба бедствия окончились, но информация о них, по мнению Феодосия, была по-прежнему актуальна.

Многозначительно описал игумен и, в сущности, вполне заурядное происшествие в Смоленске, где перед Рождеством случилась буря и якобы сами собой раскрылись ворота в башне — не иначе, как приглашая войти туда освободителей... Однако апофеозом «вестей» Феодосия, являвшимися по сути пропагандистским сочинением, обращенным к российским властям, стал его рассказ об одном непостижимом, мистическом событии. Через две недели после прибытия в Вязьму игумен, дожидавшийся здесь ответа на свою записку, был отправлен в Москву. Воевода Хованский снабдил Феодосия и сопровождавших его лиц всем необходимым. В столице Феодосий и старец Лаврентий со слугами пробыли до апреля. Принимали их радушно. Приехавшим выдавали «поденный корм» (по 10 денег игумену, по 8 — старцу и по 4 — служкам), а также «поденное питье» (игумену — по две кружки меда и две кружки пива, старцу — по кружке меда и две кружки пива, служкам — по две кружки пива)⁵.

Феодосий со спутниками явно не торопились в обратную дорогу. Они били челом, что опасаются на родине преследований со стороны светских и духовных властей, а также «апостатов»⁶, то есть «отступников» (очевидно, имелись в виду униаты). По их словам, «По всех путех ляхи блюдут, хотяще изымати. И отец Гедион, игумен Бизюковского монастыря, нам известил, никакож возможно нам проеждчати»⁷. Челобитную удовлетворили, и Феодосия с его людьми поставили на довольствие в Вязьме.

Феодосий был хорошо образованным монахом. Сохранившийся автограф его «известия» написан прекрасным почерком, язык

⁴ *Bieniarzówna J., Malecki J.-M.* Kraków w wiekach XVI–XVIII. Kraków, 1984. S. 357, 361, 363. (Dzieje Krakowa ; t. 2). — От этих двух бед в городе и окрестностях погибло около 139 тыс. жителей.

⁵ Россия и белорусские земли в XVII — первой половине XVIII в. : сборник документов / сост.: Е. Н. Горбатов, А. Б. Довнар, Ю. М. Эскин. М., 2020. Т. 1. № 127. С. 199–200.

⁶ Там же. № 128. С. 200–202.

⁷ Там же.

документа скорее русский с церковнославянизмами, а не старобелорусский. Забегая вперед, замечу, что в 1653 г. Феодосий, видимо, все же вернулся на родину, но позднее, когда во время русско-польской войны начался великий исход белорусского духовенства в Московское царство, он вместе с монахами оршанского Кутеинского монастыря и монастырской типографией оказался в Иверском Валдайском монастыре. Оттуда уже в 1656 г. Феодосий, видимо, по поручению патриарха Никона, вместе с книжным справщиком старцем Евфимием ездил в Киев и другие украинские города «для собрания братии и для покупки разных потреб» (вероятно, по издательскому делу)⁸. Как известно, в Иверский монастырь перевезли всех сотрудников Кутеинской типографии — переводчиков, справщиков, наборщиков, переплетчиков, резчиков по дереву, а также стан и все принадлежности для печати. Местная валдайская братия конфликтовала с пришельцами и новым игуменом Дионисием, но с 1657 по 1665 г. в монастыре было издано 11 книг, пока Никон не перевел типографию в Новый Иерусалим⁹. Феодосий же к 1669 г. достиг сана игумена, в котором и умер в 1672 г.¹⁰

Что же за таинственное событие описал Феодосий? «Того же лета», то есть в 1652 г., бывший католический смоленский епископ Петр Парчевский ехал в Варшаву. По пути он решил осмотреть загородный королевский дворец. «Узрев полату королевскую недалеко в боку стоящую», он послал слугу, который встретил у дворца юношу, согласившегося открыть двери, но сказавшему при этом епископу: «внутри полаты не мощно внити слугам твоим» кроме одного попа. Епископ, сопровождаемый попом, вошел и увидел, что в палате «окрест сидяху гетманы королевства Польскаго преж умершии, от них же инех знал бискуп, иже недавними леты умроша, инех же преждних веков бывших невозможне познати». Он, вроде бы совершенно не удивился, поклонился им и пошел дальше с юношей. В следующей палате «узре бискуп короля Владыслава сидящаго и с ним Осолинского канцлера, и другаго советника, преж умерших». Святой отец поприветствовал недавно умершего монарха,

⁸ Харламович К. В. Малороссийское влияние ... С. 266.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 270.

после чего Владислав IV спросил его: «Како ныне у вас вещи деются?». Парчевский ответил, что все плохо: «по смерти твоей вся злая в нашем государстве сотворяются», и рассказал (по ряду) о «козацкой междоусобной брани». Владислав заметил, что ему все это известно, после чего велел передать королю Яну-Казимиру следующее: «рцы брату моему королю, аще не отпустит жены моя, ю ж незаконно по смерти моей поял ю есть в жену себе, не токмо сия казни не престанут, но и вящшия имут прийти, и государство погинет». После чего, как и положено, исчез вместе со Оссолинским и свитой, исчезли и заседавшие в первой палате покойные гетманы. После этого епископ со своим попом («юноша», открывавший двери, также исчез) «трепетни сих ради бывше, изыдоста ис полаты» и «вседше на колесницы, путешествоваху к Варшаве»¹¹.

В Кремле история, изложенная Феодосием, видимо, произвела большое впечатление. На российском списке есть помета: «государю чтена»¹². Парчевский там, судя по всему, был известен, поскольку на этом же списке сделана помета о том, что теперь он епископ Жмудский.

Поданная Феодосием записка повлияла на его дальнейшую судьбу. Далеко не всегда к известиям от выходцев из Речи Посполитой в Москве так прислушивались. Достаточно вспомнить современника Феодосия, авантюриста и мифомана Анфиногена Крыжановского, присвоившего несколько титулов (в том числе епископский), привезшего фальшивую грамоту о поставлении на епархию в Хорватию (!), проворовавшегося в российском монастыре, интриговавшего в кругах, близких к восточным патриархам во время их пребывания в Москве, отсидевшего срок в монастырской тюрьме, но при том отправленного миссионерствовать в Казанский край¹³. О нем еще в 1652 г. было принято такое решение: «Бояре приговорили, тово игумна Крыжановского со всеми людьми поворотить

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1653. Д. 1. Ч. 1. Л. 50–53 (подлинник), 54–59 (список Посольского приказа). — Опубл.: АМГ. СПб., 1894. Т. 2. № 500. С. 309. (В сокр.); Россия и белорусские земли ... № 125. С. 196–198. (Полный вариант).

¹² АМГ. Т. 2. С. 309.

¹³ Харламович К. В. Афиноген Крыжановский : (из истории культурного влияния Западной Руси на Восточную в XVII в.) // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова ... Казань, 1913. С. 163–180.

назад <...> Пропускать не велеть [в тексте исправлено из: и подвод ему не давать], для того, что он обещал государю служить и вести писать прямые, а ныне он сказывал ложные вести, и он бы в том и вперед исправился, приезжал с прямыми вестями, а ныне ему ехать к Москве не указано»¹⁴.

Главный герой повествования — Петр Парчевский — был не слишком влиятельной, но все же заметной фигурой в церковных и политических кругах и имел характерную для того времени биографию. Он происходил из белорусской православной шляхты, но в юности принял католичество и окончил Виленскую академию. Став доктором теологии, он быстро сделал карьеру. В 1630–1634 гг. Парчевский являлся викарием новой Смоленской католической епархии, оставаясь в Смоленске во время осады города войсками М. Б. Шеина. С 1635 г. он стал уже полноправным смоленским епископом. В 1649 г. Парчевский занял жмудскую кафедру, приобретя здесь недобрую славу, поскольку вместе с кн. Янушем Радзивиллом подписал знаменитый Кейданский договор о подчинении Литвы шведскому королю Густаву Х. Отношения Парчевского с королем Яном-Казимиром не были дружественными. Епископ не принимал участия в избирательном сейме 1648 г., почему-то не приехав из Смоленска в Варшаву¹⁵, то есть не отдал свой голос за короля. Подписание Кейданских соглашений, по сути низлагавших Яна-Казимира, говорит о том же.

Происхождение связанной с именем Парчевского мистической истории, записанной Феодосием, неясно. Если в рассказе о бедствиях жителей Кракова игумен указывает, что он «повестью обносится», то есть основан на реальных свидетельствах, то в основе истории о королевском загородном дворце лежит, по всей видимости, какой-то польский письменный памфлет — один из тех, которые во множестве распространялись на территории Речи Посполитой. Такие памфлеты выражали настроения шляхты и всех, кто либо уже пострадал от «казацких войн», длившихся не первый год, либо ожидал своей очереди. С тоской вспоминая «золотое десятилетие»

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Ч. 3. Л. 466–467.

¹⁵ *Lulewicz H. Parczewski Piotr herbu Nałęcz // Polski słownik biograficzny. Wrocław etc., 1980. T. 25. S. 210–212.*

Владислава IV, умевшего ладить с казаками, подданные его брата искали причины обрушившихся на них несчастий.

Один из распространявшихся в те времена в Речи Посполитой рукописных памфлетов¹⁶, в котором методично перечислены причины бедствий, начинается со следующего утверждения: «Первейшая причина — грех против небес и Бога, в который впали [все] от наивысшего, ибо рек не кто-нибудь, а св. Иоанн: “Не дозволено тебе иметь жену брата твоего”¹⁷, а из-за такового поступка Божьей волею случилось в том же царстве, в коем корона, ни в чем не имеющая счастья, испытала возмездие до малейшего убогого человека, когда как среди духовных, так и светских во всех вообще убогого положения сословиях изгнана боязнь пред Богом, древняя доблесть, правда, любовь к родине и к ближнему»¹⁸. Сравнение польских короля и королевы с библейскими Иродом и Иродиадой, осуждавшихся Иоанном Крестителем и казненным за это, более чем смело и говорит о накопившемся возмущении. Королеву Людовику-Марию, считавшую своих подданных варварами и не желавшую приноровиться к польским реалиям — относительной веротерпимости и ограниченности королевских прерогатив, шляхта не влюбила со времени ее первого замужества. В «письмах улетных» ее обвиняли в политических неудачах, в том числе в «казацких, московских и шведских войнах». «Из-за нее так плохо стало, описать трудно» — так оценивал деятельность королевы ее современник, известный хронист Иоаким Ерлич¹⁹. Брак короля с этой немолодой по тогдашним понятиям женщиной со шлейфом неудачных брачных проектов положил конец надеждам на наследника у династии польских Вазов, что усилило общее недовольство в обществе. Опасалась шляхта и ее признанного всеми ума и воли — говорили, что Людовика-

¹⁶ Eksorbitancje każdemu z osobna wiedzieć należące, dla których Królestwo Polskie po śmierci Władysława IV króla polskiego niszczyć poczynając, na ostatek przez nastąpienie roku 1655 króla szwedzkiego, z różnymi tegoż Królestwa nieprzyjaciółmi kointeligencją mającego, wniwecz obrócone zostaje // Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy, 1648–1668: publicystyka — eksorbitancje, projekty — memoriały / zebrała i oprac. S. Ochmann-Staniszevska. Wrocław, 1989. T. 1, no. 31. S. 136–139.

¹⁷ «Non licet habere uxorem fratris tui» — написано по латыни (Мф. 14:4).

¹⁸ Eksorbitancje każdemu ... S. 136.

¹⁹ *Fabiani B.* Warszawski dwór Ludwiki Marii. Warszawa, 1976. S. 89.

Мария «заменила голову Яна Казимира своей»²⁰. Считалось, что за грех, совершенный королем, расплачиваются бедами все его подданные, как это было в Иудейском царстве. Современники рассуждали, что «Nieupodobalo to ożenienie wielu Polakom», поскольку «takie małżeństwa niebłogosłowieństwo Boże za sobą zciągają»²¹.

Не лишено вероятия предположение, что «Видение» было сочинено самим Парчевским. Интересно, что его сюжет удивительным образом напоминает новеллу П. Мериме «Видение Карла XI»: дворец, зала, в ней собрание призраков вельмож во главе с монархом, который открывает свидетелю — почтенному и высокопоставленному лицу, некие истины. Сходство есть даже с «Гамлетом» Шекспира — там призрак короля осуждает женитьбу своего брата — его убийцы, на своей вдове. Интересно, что знаменитая новелла Мериме имела политический резонанс. Несмотря на то, что она была издана спустя несколько десятилетий после шведского царубийства, шведскому послу было предписано официально дезавуировать эту историю, что, видимо, немало позабавило Мериме, славившегося своими мистификациями то испанской, то южнославянской литературы. Заметим, что современные шведские литературоведы тоже не знают источника легенды, относя его к концу XVIII столетия. (Все сведения о «шведском варианте» я получил благодаря замечательному скандинависту Е. М. Чевкиной, за что выражаю ей глубокую благодарность.)

Но вернемся к нашему игумену. Феодосий, принесший столь многозначительную весть в Россию, сообщил то, что желало услышать московское правительство: Бог явно отвернулся от противника, погрязшего в страшном грехе, а значит дело войны, начинающейся под лозунгом защиты православия, справедливо вдвойне, а вестник, внесший лепту в ее идеологическое обоснование, достоин награды и дальнейшей карьеры — помещения в «личный» патриарший монастырь (который он в дальнейшем и возглавил).

²⁰ *Fabiani B. Warszawski dwór Ludwiki Marii*. S. 15.

²¹ *Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza / z ręk. wydał K. Wł. Wóycicki*. Warszawa, 1846. T. 2. S. 47. — «Не понравилась женитьба сия многим полякам <...> ибо браки такие Божье неблагословение за собою влекут».

Приложение

1653 г., января 8–11. — Вести о событиях и слухах в Великом княжестве Литовском и Польше, привезенные в Вязьму игуменом могилевского Буйницкого Свято-Духова монастыря Феодосием

(л. 50) Государю царю (титул) холопи твои Ивашка Хаванской, Гараска Лавров челом бьют.

В нынешнем, государь, во 161-м году, генваря в 1 день, приехал из-за рубежа в Вязьму из Литовские стороны Буйницкого монастыря игумен Феодосей да старец Лаврентей. И мы, холопи твои, велели ево, игумена Феодосия, и старца Лаврентия привести перед себя в съезжую избу, и в съезжей избе ропрашивали ево, игумена Феодосия, про всякие литовские вести. И он нам, холопом твоим, в ропросе сказал, что есть-де за ним вести, и напишу-де я вести своею рукою, что ведаю. И генваря, государь, в 8 день, подал он, игумен Феодосей, нам, холопом твоим, написав своею рукою вести, и мы, холопи твои, взяв у него то писмо, послали к тебе, государю (титул), к Москве под сею отпискою вместе с вяземским стрельцом с Матюшкою Филипповым, а отписку, государь, и те вести велели подать в Посольском приказе твоим государевым дьяком, думному Михайлу Волошенинову да Алмазу Иванову, да Ондрею Немирову. //

(л. 51) Лета 7160.

Краков, город королевский в Польши, в нем же короли коронываны^а бывають, и по смерти погребаются, сего лета моровым поветрием Божиим попушением поражен бысть, люди в нем живущии внезапною^б смертию умирающе, в живых оставшии страхом содержими хотяше убежати таковыя нечаемые смерти, вне града изыдоша; тамо, повестию обносится, между горами ровом быти, в тех пребываху изшедшии от мору граждане. В нощи дождь велий сниде, от него ж умножившиися вода, потопила тамо обретшихся людей. Посем град Краков огнем страшным четыре недели горел, не было кому угашать, граждане измроша, и от воды истопляени^в.

Того ж лета бискуп прежде бывши Смоленский, прозываемый Парчевский, а ныне на другом вышнем бискупстве^г пребывая, путешествова на колесницах к королю в град Варшаву^д. В пути^е узрев полату королевскую недалече в боку стоящую, сказует с путешественником своим: желание велие ми есть сию полату внутрь видети. Советуют ему путешествующии, желание делом внутриаго^ж зрения

полаты исполнити. Ставшє с колесницами на пути, посла бискуп слугу своего с молением к приставнику полаты, дабы ему отверзл двери полатные, зрєния ради внутрьнея³ красоты. Посланный, приспєв к вратом башни, стрел юношу прямо себе идущаго, поклонившєся един другому. Молєние сотворает^н посланный от бискупа, да отверзєны будут врата полатные его господину бискупу; юноша обещает се сотворити желанія ради бискупова. Извет прием посланник возвращє к бискупу возвести ему обещаніє сотворєнное на отверзєніє врат полаты, о сем известився бискуп, сврати^к от пути к полате тшєся прийти, егда ж к башни приближєся, паки преждєрєченный юноша в вратєх стретил его, поклонься, провождаше бискупа к полате, к дверем пришедше, рече предводитель^п бискупу: «Внутрь полаты не мощно внити слугам твоим, таков бо зде обычай, повєли им на преддверіи оставєся, и себе пождати, дондеж^{*м-} за пєляном^м возвратишєся, сам же с попом своим последствуй ми». Повєлєвшу бискупу слугам оставєся, отверзл двери предводитель, введє я^н в сєни, та ж другія двери отверзл внидоша внутрь велія полаты, в ней ж окрєст сєдяху гєтманы королевства Польскаго преждє умершїи, от них же инєх знал бискуп, // (л. 52) иже недавними лєты умроша, инєх же преждних вєков бывших невозможє познати, тем поклонившєся, с молчанієм последоваху предводящєму иж^о к боковым дверем пришед, и отверзл я, введє в другія сєни, по сих иныя двери отверзл, введє внутрь лучшїя полаты. Тамо узрє бискуп короля Владыслава сєдяхаго и с ним Осолімского канцлєра, и другаго советника, преждє умерших. По целованіи вопроси кроль^п Владыслав бискупа: «Како нынє у вас вєщи дєются?». Отвєща бискуп: «Найсєвєтлєйшїй королю, по смєрти твоей вєся злая в нашєм государствє сотворяютєся, и нача по ряду вєся в козацкой междоусобной брани, прилучившєся, исповєдати». Сия слышав, король рече: «Известне и мы о вєсєх сих тобою рєченнєх, вємы. Но рцы брату моему королю, ащє не отпустит жєны моея, ю ж незаконно по смєрти моей поял ю єсть в жєну себе, не токмо сия казни не престанут, но и вьщїи имут прийти, и государство погинєт». Сия рек, невидим бысть и с сїдяхщими с ним купно. Також и юноша, предводяй от очію их ищєзе, токмо єдин бискуп с попом своим оста; трєпетни сих ради бывше, изыдєста ис полаты, и к тому гєтманов преждє видєнных узрєти не возмогєста. Изшедше ж вне дверєй, слуги своя обрєтєста и вєдше^п на колєсницы, путешєствоваху к Варшавє.

Весною брань бысть воинства польскаго с козаками за Києвом, в Польши, тамо казаки поразили Калиновского, гєтмана польскаго,

с всем войском кварцяным. По сем, воины собращася окрест града Речицы стояху в лете обозом, гетман литовский Радивил^с мзду воздавши^с заплативши воином сребреники, пусти их ради прекормления в грады и веси литовския земли на четыры недели, дондеж реки померзнут, и сам отъехал во град свой Борисов. В сие время с всею силою ратною и со всеми вои дондеж зима стоит имеша волю на Чернигов замок ити, и козаков ратовати. Аще ли мир между себе сотворят, то шведа в немецкой земле хошут ратовати.

Подканцлерий польский от нынешняго короля банитованный^т в шведскую землю прииде, тамо немцов ратных собра 40 тысящ, посылал к гетману козацкому Хмельницкому посланников с грамотами, советуя ему, дабы он с козаками от единой страны польскую землю ратовал, он же сам^у – от другия страны, с немцами и шведами имел волю короля польскаго воевати и ратовати. Тех посланников с грамотами в пути переняли, и в град Варшаву во время сейму сего лета бывшаго к королю привели, и тыя грамоты подканцлерого прежде бывшаго прочтоша. //

(л. 53) В Смоленску пред Рождеством Христовым буря в нощи вста и шум велий в башни слышан бысть, двери затворенные в башни сами о себе отверзошася, стражи от страха разбегошася, и едва к себе пришедше возвратишася на стражу.

На обороте л. 50: Государю (титул). В Посольской приказ.

161-го, генваря в 11 день, с вяземским стрельцом с Матюшкою Косово.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1653. Д. 1. Ч. 1.

Л. 50–53 (подлинник), 54–59 (список Посольского приказа).

Публ.: *Россия и белорусские земли в XVII — первой половине XVIII в. : сборник документов / сост.: Е. Н. Горбатов, А. Б. Довнар, Ю. М. Эскин. М., 2020. Т. 1. № 125. С. 196–198.*

Примечания: ^а Так в ркп. ^б Так в ркп. ^в Так в ркп., в русском варианте: истоплени. ^г В русском варианте над строкой вписано другими чернилами: жмутпкой. ^д В русском варианте на левом поле вписано другими чернилами: места не помнит. ^е В русском варианте над строкой вписано другими чернилами: меж Варшавою и Вилпнею. ^ж Так в ркп. ^з Так в ркп. ^и Так в ркп. ^к Так в ркп. ^л В русском варианте: проводитель. ^{м-м} Вписано на левом поле похожими по цвету чернилами, в русском варианте отсутствует. ^н В русском варианте: ны. ^о В русском варианте: их. ^п Так в ркп. ^р В русском варианте: вшедше. ^{с-с} Вписано на левом поле теми же чернилами, в русском варианте отсутствует. ^т В русском варианте: отлученный. ^у Вписано на левом поле теми же чернилами, в русском варианте отсутствует.